

Красавин Игорь Вячеславович

**ЭКОНОМИЯ ЖЕЛАНИЯ:
ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСОВ
К СОЦИАЛЬНО-ГЕТЕРОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Екатеринбург

2008

Работа выполнена на кафедре социальной философии ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Научный руководитель — доктор философских наук,
профессор Керимов Тапдыг Хафиз-оглы

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Кропотов Сергей Леонидович

кандидат философских наук,
доцент Котелевский Дмитрий Владимирович

Ведущая организация — ГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» г. Екатеринбург

Защита состоится 30 июня 2008 г. в «__» часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан «__» мая 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор

Ким В.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа посвящена анализу экономики желания в современной социальности и поиску соответствующего методологического языка описания. Исследуются классическая и неклассическая методологии описания экономики желания в социально-гуманитарных науках, философии и современной социальности. Осуществляется поиск методологического языка, способного концептуально описать действие желания и создаваемых им социальных структур.

Актуальность исследования:

В настоящее время социокультурная практика человека и способы ее описания переживают качественный сдвиг, ознаменованный, в первую очередь, сменой социокультурной парадигмы. Традиционные подходы, основанные на посылах классического способа объяснения мира как обладающего неизменной природой, меняются в сторону признания динамики социальности. В антропологически-гуманистическом стиле мышления 19 века философ выступал как центральная фигура знания и культуры, охватывающая действительность тотальностью мысли и антропоцентрируя мир. С конца 20 века формируется иное понимание природы мира и человека: классический «логос» человеческой природы расширяется и начинает включать в себя факторы, описанные социально-гуманитарными науками: экономикой, психоанализом и социологией.

Изменение характера философствования связано не только с децентрацией классического субъекта и его рациональности, но и с обращением к анализу повседневного взаимодействия людей, где одними из категорий структурирования социальности выступают экономия и желание. Различные аспекты социального взаимодействия проявляют свою самобытность, а их развёртывание предполагает множество гетерогенных размерностей, каждая со своими правилами. Такая нетождественность процессов структурирования социальности заставляет отказаться от метода поиска основания, или начала, и признать их одновременную взаимозависимость и самостоятельность, а следовательно, наличие основания в них самих, как если бы они обладали желанием. Необходимость такого взгляда на социальность вызвана тем, что взаимодействие и воспроизводство социальной практики предполагают в равной мере как вовлечённость и доминирование одних аспектов над другими, так и их одновременные отвлечённость и подчинение. Ввиду сложности социальных процессов, выделить некий источник или общий принцип рационального целеполагания или властного воления в общественном воспроизводстве уже невозможно, и для исследования изменчивой социальности вводится понятие желания.

В связи с этим, во-первых, необходимо произвести анализ условий современных изменений в социальной реальности. Во-вторых, необходимо определить такие области исследования, которые бы находились в точке пересечения тем, связанных с темой желания в социальности и сфокусированных на локальный и глобальный уровни одновременно. Эта

ситуация принуждает, в-третьих, к созданию такого концептуального социально- и общеполитического аппарата, который смог бы дать описание экономии желания в социальных процессах и послужил основой продуктивных исследований в области социальной философии. Предварительно можно сказать, что в рамках подобной методологии уже нельзя построить описание социальности в виде универсальных ситуаций или универсальных отношений с заранее определёнными участниками. Скорее, основой является фиксирование некоей ситуации неразрешимости, исходя из которой, определяются несколько вариантов развёртывания экономии желания и структуризации контекстных условий и отношений.

Кроме того, в-четвёртых, тема экономии желания является мало исследованной областью в современной российской философии. Это вызвано нетрадиционностью данной темы для отечественной философии, которая, однако, вплотную подошла к артикуляции желания в диалогическом и полифоническом подходах к измерению человеческой субъективности.

В связи с вышеперечисленным, представляется актуальным выделить тему экономии желания для разработки традиционных философских проблем и подвергнуть социально-философскому анализу.

Степень научной разработки проблемы:

Социально-философское исследование экономии желания требует осмысления достаточно значительного и разнородного корпуса источников. Диссертационное исследование выполнено в ситуации парадигматического сдвига, которую можно обозначить как переход от классического к неклассическому типу рациональности. Необходимость и актуальность этого парадигматического сдвига обоснованы в целом ряде работ, посвященных классической и современной философии (В.С. Библер, В.Е. Кемеров, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Степин, В. С. Швырев и др.).

Изученную автором отечественную и зарубежную литературу можно разделить на несколько взаимосвязанных, но относительно самостоятельных, блоков и рассматривать состояние разработанности и связанные с этим задачи в каждом из них по отдельности.

В качестве региональных онтологий желания, представляющих интерес в рамках данной работы, были выбраны экономика и психоанализ, ввиду того, что области значений понятия экономии и экономики перекрывают друг друга, а психоанализ тесно связан с антропологической версией классической метафизики, на стыке которых появилось понятие желания. Авторами, попытавшимися дать универсальное описание экономики и чьи труды были использованы в данной работе, были И. Бентам, Т. Веблен, М. Кейнс, Ф. Кенэ, К. Маркс, А. Маршалл, Л. фон Мизес, Д. Рикардо, А. Смит, Э. Чемберлен.

Проблемы современного социально-экономического состояния общества, в котором универсальное описание экономики невозможно, были исследованы У. Беком, Д. Беллом, З. Бжезинским, Ж. Бодрийяром, Д. Бхагвати, Э. Гидденсом, Д. Гэлбрэйтом, П. Друкером, В. Л. Иноземцевым, М.

Кастельсом, М. Маклюэном, К. Полањи, Т. Сакайя, Р. Салмоном, Ф. Фукуямой, О. Тоффлером, Л. Туроу, И.Г. Яковенко.

Вопрос об универсальных формах структуриации общества с неизбежностью предполагает проблему толкования природы человека, выводя в поле исследования психоанализ и его видение желания. Авторами, чьи работы были изучены в ходе данного исследования, были Л. С. Выготский, С. Гроф, Р. Джонсон, С. Жижек, Р. Калшед, М. Кляйн, Ж. Лакан, А. Н. Леонтьев, Р. Лэйнг, А. Маслоу, Ж.-А. Миллер, Д. Мэйси, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Эткинд, К.-Г. Юнг.

Методологические основания онтологии желания, состоящие в обосновании подходов к желанию как способа социального бытия, были представлены Н.С. Автономовой, В.С. Библера, Ж. Деррида, Э. В. Ильенкова, Ф. Лаку-Лабарта, М.К. Мамардашвили, Ф.Ницше, В.А. Подороги, Г. Риккерта М. К. Рыклина, М.Хайдеггера, М.Фуко.

Разработка теоретических и практических проблем для концептуального обеспечения исследования экономики желания в структурировании социальности представлена несколькими традициями социально-гуманитарного знания.

В произведениях таких философов, как св. Августин, Аристотель, Платон, св. Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Р. Декарт, Д. Локк, З. Фрейд, С. де Бовуар, Ж.-П. Сартр желание определяется как сложность для понимания и постановки философско-методологической проблемы.

Б. Спиноза одним из первых в истории философии заявляет о продуктивности желания, о желании как признаке полноты бытия, о связи желания с самосознанием и индивидуальностью, указывает на главенство желания в его отношениях с объектом и в определении блага. Вслед за Спинозой изучение проблемы экономики желания распадается на две традиции.

Представители одной традиции, такие, как Д. Батлер, Г.В.Ф. Гегель, А. Кожев, Ю. Кристева, С. Кьеркегор, Ж. Лакан, Т. Нагель, Ж.-Ж. Руссо, З. Фрейд, А. Шопенгауэр фокусируют внимание на *desideratum*, то есть на объекте желания, которого не хватает и определяют желание как потребность.

Представители другой традиции в этом вопросе следуют Спинозе и обращаются к продуктивной силе самого акта желания, что нашло отражение в работах Р. Барта, Ж. Батай, Г. Бейтсона, М. Бланшо, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, А. К. Джейн, Б. Кассен, Э. Левинаса, Ж.-Ф. Лиотара, Ф. Ницше, Ж. Рансьера, Х. Сильвермана.

Главным препятствием к созданию теории желания в философии признается неопределенность самого понятия желания, отсутствие единого дискурса желания в философии при всей частоте обращения к этому понятию. Все попытки изучения экономики желания приводят к вопросам, на которые пока не найден удовлетворительный и систематический способ получения ответов. Обращение к экономике желания требует избрания самых

общих рамок рассмотрения этой проблемы, анализа отношений между различными концептами желания и социальной реальности.

Следует особо выделить в этой связи сложившийся в отечественной философии диалогический и полифонический подход к исследованию человеческой субъективности: Г. С. Батищев, М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. А. Ухтомский, П. А. Флоренский, Л. В. Щерба и др.

В отечественной философии и философской психологии проблема экономии желания стала предметом специального рассмотрения относительно недавно. В работах С. Л. Рубинштейна и А. Р. Лурии, которые занимались философскими, методологическими и гносеологическими проблемами психологии, желание не изучалось как самостоятельный феномен бытия. В последние годы в отечественной науке проявляется интерес к проблеме экономии желания, что нашло отражение в работах С. А. Азаренко, И. Жеребкиной, Ю. Л. Качанова, Т. А. Клименковой, Д. В. Котелевский, Е. К. Краснухиной, С. Л. Кропотова, Т. Х. Керимова, И. В. Кузина, А. П. Мальцевой, С. А. Никитина, А. А. Погребняка, Е. Г. Трубиной, А. С. Якобидзе-Гитмана.

Концептуальное обеспечение исследования экономии желания было бы невозможным без учета результатов, полученных отечественными и зарубежными философами, в рамках категориального анализа единства и множественности: П. Бурдьё, П. Вагнер, Э. Лакло, Р. Рорти, В. Флах.

Особую группу источников составили работы, посвящённые социально-типологическому подходу и исследованию желания в различных типах социальности: А. С. Ахиезер, И. В. Ватин, А.Я. Гуревич, Ю. Г. Ершов, С. Г. Кара-Мурза, В. Е. Кемеров, В. И. Плотников, В. Е. Тищенко. Анализ историко-философской и социально-философской литературы показывает, что проблема экономии желания не обойдена вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Вместе с тем открытым остаётся вопрос об онтологической трактовке желания, социально-философский анализ которого позволил бы выявить роль и значение желания в структурировании различных типов социальности.

Объект и предмет исследования:

Объектом исследования являются процессы, конституирующие гетерогенную социальность.

Предметом исследования являются экономия желания и её влияние на процессы структурирования социальности.

Цель и задачи исследования:

Целью настоящей работы является анализ экономии желания в структурировании социального бытия.

Достижение этой цели предполагает постановку в диссертации следующих задач:

- Провести анализ экономии желания в пределах региональных онтологий (экономика, психоанализ);
- Описать классические и постклассические методологии понимания бытия желания;

- Раскрыть желание как онтологическую модальность социального бытия;
- Дать описание желания как различия и экономии как принципа структурирования различия;
- Выявить основные проблемы описания экономии желания в социальности;
- Провести анализ экономии желания в процессах структуриации социальности.

Методологическая и теоретическая основы исследования:

Основная методологическая установка исследования — представление в социально-философском познании современной ситуации, расширяющей сферу рационально-теоретического дискурса, вследствие признания эвристической ценности ранее отвергнутых социальных практик, воплощающих инаковость и множественность социальной реальности. Принципы и методы, фундирующие данное исследование, могут быть сведены к трем:

Деконструкция: В исследовании осуществляется деконструирование региональных онтологий, классической и неклассической моделей желания. Данная работа нацелена на критику универалистских подходов к описанию социальной реальности либо её единичного аспекта и нахождение категориальных и методологических ресурсов для представления смежных гетерогенных процессов структуриации социальности в рационально-теоретическом дискурсе.

Гетерологический подход: Исследование выполнено в рамках гетерологической интерпретации полисубъектной социальности. Данный подход предполагает социально-философский анализ, опирающийся на доминанту различия и избегающий выделения тождественного субъекта как в рациональном знании, так и в процессах социальной структуриации. В контексте исследования данный подход синтезирован с постклассическими версиями марксизма в психоанализе и экономике.

Типологический подход: в исследовании применяется социально-типологический подход, позволяющий показать конкретные исторические и социальные условия функционирования желания в структурах социальности. Данный подход позволяет раскрыть связь конкретной исторической структуры жизни общества с желанием как способом социального бытия.

Методология исследования направлена на представление в социально-философском дискурсе процессов, воплощающих множественность социального бытия. Такой подход позволяет раскрыть тему желания как различия и показать форму осуществления экономии желания.

Научная новизна исследования:

Впервые в отечественной философии исследована проблема экономии желания в процессах структурирования социального бытия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Осмыслены основания региональных онтологий желания (экономика, психоанализ). Показано, что желание в региональных онтологиях превосходит универсалистские модели описания социальности.
2. Дано теоретическое описание желания как онтологической модальности социального бытия, структурируемой гетерогенностью, событийностью и совокупностью.
3. Показано, что желание и производство желания является серийным распространением различий, их взаимодействием и отторжением, в ходе которых создаются объекты и субъекты взаимодействия. Желание присуще не только биологическим видам, но всему сущему, конституируемому различием.
4. Экономия раскрывается в качестве гетерархичного процесса осуществления желания, связывающего и соотносящего гетерогенные события в качестве нетождественного целого.
5. Сформулирован механизм проявления желания в социальности в качестве процесса структуриации, в котором невозможно выделить доминирующие принципы или основания, определяющие формы отношений между его аспектами. Влияние различных аспектов и форм отношений такого процесса является смежным и сопоставимым и не зависит от способов их интерпретации.

Практическая значимость исследования:

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы:

- В сфере Высшего образования в качестве материала для курсов социальной философии, социологии, экономики, социальной психологии и психоанализа;
- В сфере маркетинговых исследований прикладного характера для выявления форм и способов субъективации потребителей;
- В сфере управления для построения стратегий и моделей поведения социальных структур;
- В качестве теоретического обоснования дальнейших изысканий социально-философского характера в сфере экономии желания.

Апробация исследования:

Основные положения диссертации выносились автором на обсуждение в ряде международных, всероссийских и региональных конференций: “Национальная политика: проблемы и перспективы” (Екатеринбург, 2005); Российский философский конгресс (Москва, 2005); «Социальная философия и опыт современного обществознания» (Сборник работ кафедры социальной философии УрГУ, Екатеринбург, 2005), Коллизии свободы в постиндустриальном обществе (Екатеринбург, 2003), Всероссийская научная конференция «Мировоззрение и культура». Екатеринбург, 2002 г.

Структура работы:

Диссертация состоит из введения, двух глав (каждая из двух параграфов) и заключения. Общий объём диссертации составляет 149 страниц. Библиографический список включает 174 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, освещается степень её разработанности, определяются цель и задачи диссертационного исследования, указываются его источники, методологическая основа, формулируется новизна исследования, показаны теоретическая и практическая значимость работы и её апробация.

В первой главе «Онтология желания» рассматриваются различные модели организации желания в региональных онтологиях (экономика и психоанализ), классическая и постклассическая версии методологии исследования желания, а также рассмотрен онтологический аспект интерпретации желания как способа социального бытия.

Первый параграф «Методология исследования желания» призван ввести читателя в содержательное и концептуальное пространство исследования. Здесь проведён предварительный анализ региональных онтологий – экономики и психоанализа. Обе эти отрасли науки претендуют на знание о природе человека и пытаются ответить на вопрос о том, почему в существовании человека происходят те или иные события и в какой степени они связаны с ним самим.

Анализ экономики проведён ретроспективно, сквозь призму организации желания в экономических теориях. На основании результатов исследования теорий А. Смита, И. Бентама, А. Маршалла, Дж. М. Кейнса были выделены их основные метафизические черты: наличие неких основных сущностей, обеспечивающих связность всей экономической системы. Таковыми сущностями в разное время объявлялись труд, богатство, институт, потребление, обмен. Как правило, экономика как наука репрессировала желание, описывая его как служащее наращиванию благосостояния, то есть, блага как богатства. Происхождение своё желание вело из нужды, а риторика и дидактика богатства формировали субъекта экономики и реальность. Иначе говоря, большая часть классических экономических теорий требовала общего единого означающего, которое свяжет всю систему воедино и вычеркнет дисперсность и дискретность желания. Равный обмен предполагал заранее определённый и ограниченный алгоритм желания, тогда как само желание в такой ситуации исходило не от какого-то конкретного актора, а от всей системы в целом. Внешне динамичные, они создавали строго иерархические картины, в которых субъекты, руководствуясь предустановленными целями внешнего характера, подчиняют себе свойство экономики к изменениям.

Далее представлены экономические процессы и попытки их концептуального описания, относящиеся к периоду, в котором некие общие теории экономики уже отсутствуют (вторая половина двадцатого века). Исследование строится с использованием теорий П. Друкера, Д. Белла, В. Иноземцева, Ж. Бодрийяра. Глобализация, информатизация и постиндустриальное развитие превращают экономику в риторику различий, в которой главное значение приобретает способность организовать различия,

желания таким образом, чтобы появилась возможность их замены, кодирования и перекодировки. Экономика перестаёт быть ориентированной на экстенсивное расширение, а желания – сугубо экономическими. Превращаясь в экономию, экономика становится арендой желания со стороны любых социальных факторов. Это говорит о дроблении субъекта экономики. Желания экономики разрушают единый субъект, не допускают к исполнению его роли ни государство, ни потребителя, ни производителя, ни финансового игрока. Ведущее значение приобретают не отдельные сферы или аспекты экономики, возведённые в статус единственных субъектов, обладающих всей полнотой влияния, а множество частных сфер, аспектов, социальных факторов, каждый из которых движим своими сериями желаний.

Использование термина «экономия» в нашей работе обусловлено тем, что, как и в современной экономике, соотношение различных составляющих целого экономия выстраивает в различных и смежных режимах одновременно. Это отношения одновременной статики и динамики: будучи статичными на глобальном уровне, на микроуровне социальные отношения становятся очень динамичными, и наоборот, динамика крупных групп и институтов может скрывать статичные, циклически повторяющиеся отношения на уровне индивидов. Экономия предполагает взаимную оборачиваемость частей и целого, поскольку отсутствуют заранее заданные объективированные модели отношений групп и институтов. Последние в своей повседневной практике выстраивают отношения, исходя из частных, локальных интересов, не всегда связанных с интересами и потребностями тех, кто находится в сфере их влияния. Таким образом, любые участники и любые отношения, которые они создают в ходе повседневного взаимодействия, приобретают свойство дополнительности взамен доминирования.

Психоанализ исследован на примере работ З. Фрейда и Ж. Лакана, в творчестве которых тема желания была одной из определяющих, и были даны развёрнутые описания экономии желания. Экономия желания в работах Фрейда исследована на примере экономической и динамической моделей. Согласно экономической модели, первостепенное значение имело распределение психической энергии между вводом и выводом. Благом для психики и её постоянным стремлением Фрейд считал энтропию желания, управляемую вторым законом термодинамики, доводящую организм до такого состояния, в котором он уже не будет способен что-либо тратить и станет замкнутым и равновесным. Согласно динамической модели, желание объяснялось с точки зрения взаимодействия и столкновения разных психологических сил. У таковых «сил» имелись определённая направленность, то есть они выражались с помощью двигательной (моторной) активности. Они усиливают, подавляют, противодействуют друг другу, точно так же, как это происходит с материальными телами в классической механике, управляемой принципом действия и противодействия. Теория инстинктов, описывающая фундаментальные желания, использовала понятие видимой траектории, включавшей источник,

импульс, цель и объект. В идеале бессознательное стремилось к тому, чтобы вообще никаких желаний не было, процессы распределения энергии в психике были бы равновесными, а сама психика статичной.

Исследуемая нами традиция была продолжена в структурном психоанализе Ж. Лакана, сведшего воедино биологическую потребность, движимую нуждой и требование социального признания. Лакан выделяет четыре постулата, или принципа, которые определяют знание структурного психоанализа соприродным истине о человеке. Прежде всего, это претензия психоанализа на метаязык. Второй постулат заключается в том, что «бессознательное, по Фрейду, есть цепь означающих», а функционирование этой цепи происходит согласно принципам метафоры и метонимии. После этого оказывается возможным утверждение того, что «бессознательное структурировано, как язык». Хотя более корректно было бы сказать, что не бессознательное структурировано, как язык, а оба они структурированы общей системой означивания/различения, являясь в ней частными случаями. Третий постулат связывает посредством желания реальное (инстинкты, являющиеся знанием, которое нельзя познать) и язык. Значения, которыми оперирует бессознательное, привносятся языком, а цель действий субъекта (наслаждение) определяется инстинктами, которые требуют социального признания. Таким образом, социальное устройство оказывается укоренённым в природе. Наконец, четвёртый постулат связан с положением субъекта в этих условиях. Субъект, по мысли Лакана, есть эффект действия означающих, но не просто эффект как результат, а эффект, обеспечивающий функционирование цепей означающих, отношения которых, как показано выше, были заданы некорректно. Следовательно, действие самого этого эффекта заранее задано некорректно, с предрасположенностью к удержанию социального в природном. Это положение создаётся стадией зеркала, которое вводит субъекта в мир символического.

Помимо этого, далее в параграфе проанализированы классическая и постклассическая методологии описания желания. В качестве примера классической методологии использована концепция желания А. Кожева, основанная на антропологическом прочтении «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. Вариант постклассической теории желания исследован на примере совместной работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип». В параграфе рассмотрены ресурсные возможности обеих методологий в рамках социально-философской концептуализации желания и использования экономии желания в качестве матрицы описания социальных процессов.

Модель А. Кожева основывалась на антропологической интерпретации конфликта Раба и Господина. В его методологии желание используется двойственно: поначалу оно открывает субъект, но оно же и подрывает его (если есть желание – то, что называют субъектом, не существует), поэтому, для сохранения субъекта описывается его социальная трансформация, смена и соотношение социальных ролей и реальности в образах Раба и Господина.

Такой сценарий напоминает корсет, от начала и до конца определяющий историю и строение субъекта. Субъект разделён темпорально: сначала он – Господин и заставляет Другого признать себя. Недостижимость признания заставляет субъекта сменить свою роль на ту, что принадлежала Другому, удерживая за собой и первую (Раб – господин природы), и признать себя самостоятельно. Таким образом, история Господина и Раба является примером простого акта признания Рабом своей субъектности и призвана показать, что кроме самого субъекта, его таковым признать некому. Желание замыкается на субъекте, единой властной инстанции, которая одна наделена презумпцией существования и воплощает собой реальность. Таким образом, желание подчиняется субъекту, персонифицированному в образах Господина и Раба.

Одной из попыток построения иной методологии экономики желания и соответствующего языка описания представляет собой совместный труд Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения». В первом томе этой работы «Анти-Эдип» психоанализ и капитализм рассматриваются в паре, как составные части единой символической репрессивной системы, подавляющей желание и блокирующей связи человека с реальностью. Устанавливается связь капитализма и психоанализа с шизофреническим опытом (неравным клиническим формам шизофрении) расхождения серий различий в (внешне) одной символической системе, с помощью которого оба явления расширяются для определения продуктивности желания, которому отдаётся приоритет в создании, связывании/разделении, изменении реальности. Мишенью желания становится трансцендентальный субъект как центр и цель реальности и познания.

В социально-философском аспекте эта модель является продолжением и развитием теории марксизма. Тезис Маркса об имманентном характере развития общества, заданном уровнем индивидуального развития людей и соответствующим рядом фундаментальных отношений в практической деятельности, здесь продолжается в виде утверждения того, что все аспекты социальных отношений равномерно участвуют в организации общества. Это обусловлено тем, что, так или иначе, все отношения имеют один и тот же источник – человека, а следовательно, какими бы ни были формы его деятельности и связи с обществом, они обязательно будут участвовать в социальной организации.

Созданная Делёзом и Гваттари модель рассматривает общественное производство в качестве производства желания. Социальность есть продукт действия желания. Желание непосредственно инвестируется в социальность: это форма взаимодействия аспектов реальности. Оно имплицитно каждому объекту и его составляющим. А процесс связывания, складывания реальности является экономией желания. Рациональное участие индивидов и групп в социальном взаимодействии основано на том, что их желания уже обусловлены конкретным социальным контекстом и в такой форме производят его. Это, в свою очередь, делает возможными интерес,

потребности и мотивы: они вызваны тем, что желания уже были сконструированы и сгруппированы в конкретной социальной форме. Причём, в ходе этих «конструирования» и «группирования», желания индивидов и групп сами изменяют социальный контекст и формы взаимодействия, влияя на динамику социальности. Следовательно, корректно говорить не о том, что желание (как техника различения и организации реальности) есть у индивида; наоборот, у желания есть индивид. А у индивида есть потребности и влечения как одни из видов желания. В таком случае под желанием и производством желания мы будем понимать серийное распространение смежных систем различий и их взаимодействие и отторжение.

Параграф «Желание как способ социального бытия» носит методологический характер. В этом параграфе рассматриваются два аспекта бытия, принимающих участие в осуществлении желания. Исследуется бытие как различие. Приведены точки зрения на бытие как на основание (причину) сущего и на бытие, принадлежащее сущему. Из разницы этих диспозиций выводятся два подхода к толкованию бытия, а именно трансцендентный и имманентный. Исходя из имманентного подхода, задаётся экономия различия в том виде, в каком она происходит в однозначном и множественном бытии. Далее прослеживается, каким образом в множественности бытия при помощи желания формируется сообщество. В завершающей части параграфа показано, каким образом желание организует сообщество, то есть, рассматривается, в каких онтологических (гетерологических) условиях происходит осуществление экономии желания.

Понимание желания как онтологической модальности социального бытия позволяет избежать сугубо эмпирического истолкования социальной природы желания, нередко отождествляемого в литературе с проявлением «психики» отдельного индивида. Именно благодаря такому подходу оказывается возможным представить желание как богатое по своему содержанию социальное явление. Вплетённость желания в бытие, учитывая толкование последнего как бытия-вместе, делает акцент на его многомерности, нелинейности и событийности. Специфику участия желания в структурировании социальности проясняет бытийственный статус желания как центральной человеческой характеристики. Онтологическое измерение желания указывает на то, что оно совершается не на уровне сознания, выступая в качестве результата познания, а, напротив, укоренено в самом бытии человека, являясь его сущностной чертой. В этом заключается исходная посылка онтологического обоснования желания: желание есть естественный и единственный способ социального бытия человека.

Адекватное описание желания требует признания множественности сущего. Бытие такого сущего несамостоятельно, поскольку выражает все изменения последнего. Признание несамостоятельности сущего и бытия позволяет снять вопрос об иерархии между ними. То есть, «высказываясь многообразно», бытие сущего высказывается однозначно. Понятие однозначности предполагает, что любые проявления сущего высказывают

одно бытие и в равной степени ему принадлежат. Равенство в принадлежности различных проявлений сущего одному бытию также предполагает отсутствие иерархии как между бытием и сущим, так и между различными видами сущего, а также между различными толкованиями бытия. Ни один из видов сущего не содержит большего смысла бытия по сравнению с другим и не может претендовать на большее выражение его смысла.

Множественность – это, прежде всего, «монадическое распределение» фундаментально неиерархичного бытия. Множественное бытие гетерархично, поскольку его различные аспекты образуют связи как «внутри» отдельной системы, так и “вне” её. Множественность в таком случае должна пониматься в качестве неотъемлемого свойства бытия, не выводимого из некоего изначального единства. Наоборот, единое является одной из форм множественности. Для объяснения формы осуществления множественности используется модель ризомы. Ризома – это сетевидная структура, не имеющая центра, отличная от иерархической линейной структуры. Она является самодостаточной в любой точке и распространяется по всем направлениям вширь. Можно сказать, что ризома не просто растёт вширь в пространстве, а создаёт само это пространство, и каждая точка сети взаимодействуют с потенциально неопишуемым количеством других точек.

Понятие множественности сущего указывает на конституированность сущего, на то, что бытие сущего всегда является со-бытием. Со-бытие не может реализоваться в одиночном (или единичном) существе, в любой своей точке равно самому себе, тотальном и замкнутом. Бытие как со-бытие реализуется только в совместности, в которой встречаются разные аспекты бытия сущего. Благодаря различию между собой они получают возможность существовать. Сущее не представляется в качестве хаоса или, наоборот, мертвящей тотальности. Оно описывается как единство-в-различии, удерживающее свою множественность в качестве целого в процессе постоянных изменений.

Немного огрубляя, можно сказать, что ретроспективный взгляд на использование понятия желания в философии обнаружит, что желание, принимая различные формы или имена: Eros, epithumia, hormè, appetitus, libido, cupiditas, concupiscentia, conatus, endeavour, appetite, lust, Sehnsucht, Wunsch, Wille, Begierde, inclination, souhait, élan и т.д., всегда предполагает отрицательный опыт нехватки субъекта по отношению к объекту.

Мы же пытаемся продумывать его как особое динамичное состояние бытия, предполагающее его содержательный прирост. Задача здесь заключается не в технологическом описании действия желания – его исполнении, удовлетворении и т.д., но в описании его адекватности динамичности и разнородности сущего, образуемого со-бытием. Следуя гетеро-логике, мы могли бы сказать, что конституируемое различием, со-бытие всегда пребывает в некоем «движении». Это движение есть движение различия.

Воспроизводство и соединение/разъединение различий осуществляется тем же самым образом, каким осуществляется желание. Классическая мысль определяла желание в качестве некоей интенции субъекта в отношении внешнего объекта. Мы же утверждаем, что субъект и объект возникают в качестве следствия того процесса коммуникации, который связывает и воспроизводит сущее. Контекстом желания является социальность, множественная коммуникация которой предполагает возможность вариативности выбора. Субъект (рационально) не в состоянии отказаться от коммуникации как онтологической связи с сущим, благодаря которой сам субъект и возникает. То есть, субъект свободен (условно) в своих возможных умозаклечениях и действиях, но не свободен от коммуникации с социальностью, формой связи с которой выступает желание. Это отношение вариативной вовлеченности в коммуникацию по факту сопричастности событию, но не по возможности контроля над его появлением является желанием.

То есть, желание проявляет объект, а вместе с ним и субъект в качестве таковых – они конституируются желанием. Желание – это позитивная производительная сила, превосходящая свой объект, безо всякой нужды в фундаментальной нехватке – кастрации – которая служила бы его основанием. В таком случае под желанием и производством желания мы будем понимать серийное распространение различий, их взаимодействие и отторжение. То, каким образом желание осуществляется, будучи нетождественным самому себе, мы называем экономией.

В данном случае мы считаем уместным обозначить экономию как процесс осуществления смежных систем различий, их складывание и различение с другими различиями. Следовательно, экономия желания – это процесс образования и взаимодействия множественных желаний. Экономия описывает отношения различных частей целого, причём таким образом, что эти части нетождественны ни целому, ни самим себе, ни их сумме, а само целое также оказывается несамотождественным.

Один полюс желания образует власть, а другой – творчество. В сообществе это свойство желания находит выражение в параноидальном (фашистском) и шизофреническом аспектах. Паранойя и шизофрения здесь нетождественны клиническим заболеваниям, а выражают крайние формы организации сообщества. Параноидальный аспект превращает экономию желания в идентичность объекта. Он являет собой власть, благодаря которой образуются структуры различий. Параноидальный аспект желания стремится к тому, чтобы какие-то определённые желания утвердились в качестве единственных. В этом аспекте сообщество является простой суммой, выражающей изначально заданное тождество.

Отличным от него является шизофренический аспект. Шизофрения делает желание нетождественным, различает желание с другими и с самим собой. Действие желания как различия образует складку бытия. Иначе говоря, причиной создаётся одно желание, а утверждается другое. Шизофренический аспект не позволяет желанию остаться замкнутым,

ставшим и разделяет его сериями различий. В пределе, шизофрения не даёт осуществиться сообществу во всей его полноте. Для него идеальной ситуацией является такая, в которой вообще не будет чего-то определённого, настолько, что уже невозможно будет сказать о каком-то сообществе.

Это крайние точки значений, и они не исчерпывают всех различий и всех возможностей организации желания. Действие экономии желания происходит через утверждение одной системы различий над другой, исключая поглощение одной сущностью другой. Любое утвердившееся желание порождает серии отличных от него. Полный хаос никогда не наступает, исполненность бытия никогда не тотальна, желаниями образуя различия и уклоняясь от тождественности. Энтропия одного аспекта реальности создаёт другой аспект, образуя нескончаемое всестороннее движение экономии, вербализуемое в дискурсе всегда постфактум. Желание в данном случае является тем модусом социального бытия, который параноидально не позволяет сообществу распасться на фрагменты потоков различий и шизофренически воспроизводит его в качестве «единства-в-различии».

Желание всегда конкретно, в том смысле, что оно обусловлено окружающим социальным контекстом (в марксистских терминах – общественной формацией). Этот контекст создаётся в ходе взаимодействия людей, посредством их желания, и само желание также порождено социальным контекстом. Ради уточнения необходимо заметить, что в данном случае вряд ли корректно пользоваться термином «потребность», поскольку последняя предполагает нехватку того, что требуется. Поместив такое утверждение в конкретный социальный контекст, мы обнаружим, что оно начнёт выступать в роли априорного обоснования какого-то конкретного «положения вещей» необходимостью, нехваткой в природе человека, что будет некорректно, а в ряде случаев может привести к апологии тоталитаризма. Также следует упомянуть отличие желания от воли и соответствующих методологических возможностей. Воля предполагает неделимого субъекта, объективно независимого (по крайней мере, в рамках философского исследования) от реальности, ибо главный вопрос воли – кто волит? Отсутствие такого субъекта ведёт к шопенгауэровскому образу слепой воли, а «разделение» субъекта – к ницшеанскому варианту «воли к власти». В метафизическом плане «воля к власти», как показал анализ М. Хайдеггера, является обратным платонизмом, что недостаточно для социальной методологии, а в чисто социальной интерпретации ведёт к двусмысленному вопросу о борьбе за власть как основной, бытийственной сущности человека, с последующей экспликацией этого принципа на социальные отношения.

То же самое касается таких понятий, как мотив, влечение, интерес, стремление, поскольку они вторичны по отношению к потребности, а следовательно и к желанию. При всём при том, что характерно, и теория потребностей и теория желания опираются на общее представление о характере организации реальности: «Ведь жизнь представляет собой

существование разъятое: никакая живая система как отдельность не может поддержать своей внутренней динамической равновесности и не способна развиваться, если она выключена из взаимодействия, образующего более широкую систему, которая включает в себя также элементы, внешние по отношению к данной живой системе, отделенные от нее» (Леонтьев А.Н. «Потребности, мотивы и эмоции». М., 1971. С.1). Отличие их в том, что потребность предполагает нехватку в природе человека, причём, нехватку чего-то конкретного, а желание – нет. Поэтому построение любых метафизических моделей, претендующих на общее описание и опирающихся на базовые понятия, взятые из описаний частных отношений, всегда будут содержать противоречие, разрушающее всю модель. Именно поэтому желание описывается нами в качестве характеристики сущего, а не частных ситуаций и переживаний человека.

Вторая глава «Желание в структуре социальности» посвящена рассмотрению основных проблем, условий описания желания в процессе структуризации социальности.

В первом параграфе второй главы «Гетерархия желания» рассматриваются основные понятия и оппозиции современной философии, в сфере действия которых разворачивается экономия желания. Исследуются отношения внутри оппозиций чувственного и символического, природы и культуры, времени и пространства, иерархии и гетерархии, структуры и действия, проблемы возможной интерпретации события социальности рациональным знанием. Все рассматриваемые проблемы и понятия связываются с преодолением концепции субъекта и формулированием условий, в которых может быть описана экономия желания.

Трактовка желания как некоего биологического импульса и переживания нехватки/потребности, находящих своё выражение в ограниченном ряде символических форм социальной структуризации, функционально связанных между собой и со сферой чувственного, сформирована определённым контекстом, который включает в себя несколько положений.

Во-первых, разделение реальности на чувственную и символическую сферы, что характерно для западной науки в целом и является продолжением платонической традиции метафизики. Обе сущности существуют «нераздельно, но неслиянно», как бы параллельно. Ведущей оказывается сфера символического, своим структурным строением и функциональной потребностью определяя структуру и функции чувственной сущности. Во-вторых, для поддержания постулируемой дуальности, желание трактуется в такой парадигме в качестве потребности. Описание алгоритма желания строится, исходя из его чувственного происхождения, а цели желания формируются социальностью. Таким образом, в-третьих, реальность подчиняется неким целям внешнего характера, не зависящим от желаний составных аспектов реальности. В-четвёртых, такое подчинение возможно только при условии, что и социальность также будет следовать неким определённым внешним целям. Следовательно, в-пятых, события в такой

реальности будут рассматриваться в связи с их постулируемой функциональной принадлежностью. Каждое событие в такой системе обосновывает посредством собственной функциональной зависимости другое событие, и так далее, образуя ряд каузальных связей в линейной логической последовательности, созданной под воздействием внешней цели. Поэтому, в-шестых, такой ряд будет образовывать иерархию значений и смыслов и формировать соответствующий язык исследования, который будет искать в реальности уже только постулированную иерархию. В-седьмых, все эти факторы определяют наличие некоего внешнего субъекта, дистанцированного от реальности, и благодаря этому способного определить извне и положить границы событию.

Начатая в работах Гегеля, критика атомарного, калькированного с эмпирии индивида, субъекта привела к построению концепта метасубъекта, определённой системы распределения значений, включающей в себя несколько факторов и переменных, которые, однако, организуют себя соответственно потребностям предустановленных целей существования реальности. Метасубъект можно назвать «ловушкой для Другого», поскольку, как видно на примере работ Кожева и Лакана, постулируемая свобода Другого и зависимость от него субъекта основаны на их общей зависимости от метаструктуры, определяющей их взаимодействие согласно нескольким ограниченным алгоритмам. Если мы вводим множественность алгоритмов структуризации – необходимо рассматривать социальные процессы на уровне различия. Естественно, существуют разные формы различий, имеются крайние точки значений – противоположности, но эти крайности не обладают доминирующим влиянием, поскольку система различий открыта, и границы подобной «текстуальной» реальности проходят везде, где проходит различие. Особенность желания в том, что оно не обозначается знаками. Имеются некие интенсивности действий и откладывания времени: диахрония между ещё не/уже не. Значение существует не в знаках, а в отношениях между знаками. Это отношение есть желание.

Ни один из аспектов такой системы различий не находится вне других аспектов и обусловлен ими также, как и они обусловлены им. Поэтому нельзя исходить из каких-либо дуальных или более расщеплений реальности, оправдывающих друг друга и собственное расщепление. Символическое/социальное уже не может быть противопоставлено, отделено от чувственного; выводимые из крайних полюсов значения, они в языке интерпретации оказываются открытыми и подвижными. Любые цели, алгоритмы, маршруты, схемы и каркасы в аспекте действия желания представляют собой не более чем «ещё один случай» и создают избыток, благодаря которому происходят какие-либо изменения. Отсутствие внешних целей, или, скорее, постоянное сбивание с курса вследствие действия желаний, различий приводит к открытости социальности. Благодаря этому социальность получает возможность существования. В противном случае, дихотомии целей/существования, наружи/нутра сделали бы невозможным

любое движение, и, слившись со своим ограниченным бытием, социальность исчезла.

Движение социальности, выходящее за рамки статики и динамики, создаётся событием, любой аспект которого также является событием и пересекается гетерогенными желаниями. Между единицами события действует желание, формирующее каждую следующую единицу каждого следующего события. Это означает, что любая типизация социальности искусственна и может быть только задана в эпистемологических целях. Любые размерности и основания носят локальный характер и скрывают множество других существований. Эта многомерность социальности приводит к тому, что движение структуриации различия вступает в зависимость от экономии соседствующих систем и их отдельных элементов. На первый взгляд, необходимость разработки объективирующего категориального аппарата для исследования каждого отдельного случая кажется безумным усложнением. Однако, такая модель позволяет избежать противоречия в виде толкования частных отношений на всеобщем, объективированном уровне и сохранить действующим общее представление о реальности как изменчивой и противоречивой картине.

Исследование социальной реальности, желания становится возможным только тогда, когда мы принимаем сущее не за вещный объект (переноса геометрические и функционально-подчинённые связи на уровень рафинированной абстракции), а в качестве сложносоставной системы различий. Значимыми в такой ситуации становятся различия, а не функции, и связи определяются не по временной или пространственной шкале, а по желаниям, участвующим в создании этих связей. Связи, образуемые желанием, алокальны. Едва возникнув, они, как часть события социальности, уже соотнесены между собой.

Желание посредством параноидального и шизофренического аспектов образует самоорганизующуюся социальную реальность, которая неизбежно гетерогенна и полисубъектна ввиду того, что алокальные связи желаний не смогут образовать всеобщую иерархию, так как это противоречило бы их свойствам. В соответствии с этим проблема взаимодействия части и целого не может полностью пониматься иерархически ни в какой последовательности. Ввиду ограниченности человеческого познания и отсутствия знания обо всей реальности, мы не можем постулировать отношения линейного подчинения для всей системы реальности или какой-либо её части. Однако эта гетерогенность отнюдь не делает социальность разрозненной: алокальность желания удерживает её в качестве общности в любой момент воспроизводства.

Желание проявляет одновременно свойства гетерогенности и холистичности, что ведёт к описанию разнопорядковых систем различий и отношений между ними в виде гетерархий, аспекты которых образуют связи одновременно и алокально как «внутри» отдельной системы, так и «вне» её. Любой элемент любой системы в таком случае сам оказывается при определённых условиях рассмотренной системой, и наоборот; участвует в

разнопорядковых системах организации различий, подчиняя и подчиняясь, будучи, таким образом, нетождественным самому себе, пребывая алокально здесь и везде, сейчас и тогда и утверждая нескончаемую игру различия. Иерархия здесь оказывается частным случаем гетерархии. Представление реальности в виде гетерархии предполагает изначальную неполноту любого дискурсивного описания, поскольку любой дискурс использует один язык для разных уровней значения. Иначе говоря, правила описания системы никогда не принадлежат самой системе, их отношения всегда гетерархичны, а их дискурсивное эксплицитное описание предполагает имплицитный порядок системы, неравный дискурсивному описанию. В таком случае субъект-объектный анализ, основанный на изучении дискретных вещей, внеположенных субъекту, становится экономией желания и риторикой различий.

Во втором параграфе второй главы «Экономия желания: складывание социальности» исследованы присутствие и экономия желания в процессе структуризации социальности. Прослежены модели организации первобытного, деспотического, то есть, традиционных сообществ и капиталистического общества. В данном случае эта типизация строится на способах кодирования желаний, которые предполагают социальные модели. Проанализировано то, какие желания подвергались запретам и разрешению, каким образом происходила структуризация социальных связей и какие факторы определяли направленность такой структуризации.

Исследование процессов структуризации современной социальности показало, что в рамках капитализма произошло принципиальное размежевание традиционалистского и капиталистического способов экономии желания. В традиционном обществе экономия желания была ориентирована на циклическую повторяемость социальных практик, целеполагание культуры на «приближение к прошлому» и поддержание status quo на уровне практик повседневного взаимодействия. В капиталистическом обществе картина совершенно иная. Общество постепенно становится ориентированным на перманентное замещение социальных практик и устремлённость в будущее. В соответствии с этими факторами в течение Нового и Новейшего Времени происходит постепенный демонтаж иерархических административных и политических институтов (основанных на функции представительства), формулировка человеческого существования в качестве «независимого» и обладающего лишь частичными идентификациями с группами и институтами. Принципиальным условием социального воспроизводства становится способность индивидов, групп и институтов реализовывать как можно большее количество практик, отличных от предыдущих и способных к порождению всё больших различий для одновременного связывания и различения участников социального взаимодействия.

С точки зрения организации желания капитализм не рассматривается как определённая экономическая система, поскольку экономика в данном случае является частным случаем более общей капиталистической экономии

желания. Конфликт интерпретаций в познании, частная собственность, эмансипация личности и денежный инвариант кодирования желания постепенно нивелируют деспотический аспект государства и соответствующую ему сословную социальную структуру общества. В традиционном обществе государство, его военный и бюрократический аппарат были антипроизводственным институтом, использующим силу традиции для подавления множественных желаний. В капитализме государство из машины подавления и источника кодирования становится машиной регулирования и включается в процесс создания новых кодов в качестве одного из институтов производства. Подчинение социальной деятельности, желаний и институтов обеспечению работы капитализма приводит к возрастанию контроля над ними тех форм взаимодействия и институтов, через которые организация соответствующих желаний осуществляется.

В капитализме структурирование желания и социальных отношений определённым кодом сменяется декодированием. Данное явление имеет место быть потому, что капитал как таковой может проявлять себя только в процессе постоянного приращения, а доминирование какого-то одного определённого кода оставляет только воспроизводство, без приращения, без создания новых желаний. Постоянная смена кодов в различных сферах личной и общественной, экономической, социальной жизни приводит к инфляции кода как такового. Становится очевидным, что для капитализма безразлично, что и как подвергается кодированию. Для этого типа общества имеет значение только возможность воспроизводства с приращением богатства как на индивидуальном, так и на глобальном уровне.

Ценностное восприятие реальности подчиняется статистическому ряду чисел, выражающих комбинаторику увеличения количества одних желаний и уменьшения других. Сами по себе желания, различия, которые они несут, ценности, служащие кодом для связывания паттернов желаний и различий, для капитализма никакой первичной роли не играют. Важность имеет лишь статистическое возрастание и убывание паттернов, свидетельствующих о перетекании капитала из одной социальной сферы в другую, а также то, насколько эта статистическая комбинаторика способствует возрастанию капитала. Удержание общества, структурным и производственным элементом которого является принцип декодирования желаний, осуществляется за счёт введения специальной аксиоматики, связывающей декодированные желания некими общими принципами, которые сами по себе ценностного содержания не несут, но, тем не менее, являются руководством к действию, создающим ценность в качестве вторичного интеллектуального образования.

Однако, капитал не в состоянии заменить собой все остальные аспекты и факторы социальности. Средства и способы его воспроизводства и расширения обладают собственной динамикой и устанавливают связи между собой, используя само воспроизводство капитала в качестве способа создания собственных (в смысле принадлежности, а не собственности)

желаний. Одновременно капитал оказался невосприимчив к приватизации его какой-либо идеологией, либеральной, марксистской или любой другой, наоборот, капитал сам выбирает, какой из них воспользоваться для своего воспроизводства. Декодирование желаний приводит к неконтролируемому смешению аспектов социальности, которая уже не может поддерживать какую-то постоянную структурную взаимозависимость участников от капитала определёнными нормативными порядками. Декодированные желания вводят изменения и инновации в качестве структурообразующего принципа организации социальности. Эти желания начинают взаимодействовать уже по собственной логике, уклоняясь от предписываемой цели приращения богатства. Внутренняя логика развития капитализма обращает порождённые им декодированные желания против него самого.

Дальнейшие формы развития современного общества, получившие многочисленные названия, здесь мы называем постэкономическим капитализмом. В современной социальности экономические отношения, построенные на принципах приращения богатства, сливаются с остальными социальными отношениями. Рост дифференциации внутри экономических связей, усложнение социальных связей между различными институтами и группами, техническое развитие, а также взаимозависимость региональных сообществ друг от друга привели к тому, что в современности экономические отношения стало невозможно отделить от прочих социальных отношений, и изменение в одной сфере общества стало с очевидностью и в кратчайшие сроки сказываться на всех остальных. При этом, современное общество остаётся в рамках капитализма, тем не менее, меняя ориентацию с воспроизводства богатства на воспроизводство всех аспектов, вовлечённых в развитие социальности.

Одновременно процедура подавления переносится из бюрократического аппарата как отдельного института в область общих социальных отношений. Само подавление перестаёт быть насилием, применяемым в связи с несоответствием определённому коду. Оно становится включением в общую эклектичную систему кодирования. Отныне желания, несоответствующие доминирующим кодам, достаточно быстро проходят период адаптации их к существующей системе, чтобы затем капиталистическое общество начало воспроизводить их так же, как оно производило другие желания.

Происходит преодоление экономического характера аксиоматики капитализма – анонимного статистического возрастания и убывания, к которому приложимы любые аксиомы и коды социального характера, производительные и бесполезные. Капитализм до недавнего времени использовал аксиоматику желаний всех сфер социальности с целью экономического приращения. Дифференциация этой аксиоматики, учитывающей максимальное количество и качество желаний, сделало капитал крайне зависимым от неэкономических желаний.

Иначе говоря, в декодированной социальности существенной проблемой стало нахождение кодов желаний и новых аксиом для социальной идентификации. Принцип производства, основанный на методологии промышленного типового производства, перестаёт быть доминирующим и уступает место инновации, созданию новых желаний, то есть, созданию новых аксиом социального взаимодействия. Вопрос наращивания экономического капитала сменяется вопросом о выживании социальности и сохранении социального капитала, ввиду взаимозависимости её аспектов, экспоненциальным ростом количества желаний и их дифференциацией.

Начинается поиск кодов, которые, в свою очередь, не могут полностью утвердиться в качестве таковых, поскольку это приведёт к крушению социальности, структурообразующим принципами которой становятся изменение и увеличение аксиоматики желаний. Воспроизводство капитала смещается поиском путей структуризации социальности. Экономические отношения и производство капитала не исчезают, однако могут получить возможность воспроизводства только благодаря адекватной организации социальности в целом.

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования, определяются основные направления исследования экономики желания как способа структуризации социальности. Изучение современной социальной реальности показывает, что методология механистического рационализма и субъект-объектного анализа становятся недостаточными. Эта методология и формируемая ею картина реальности не учитывают дискретность и дисперсность социального бытия, вызванных работой желания. Игнорирование динамики сущего приводит к репрессии человеческого существования и обоснованию социальных практик, не учитывающих множественный характер общества, в котором любые идентификации являются частичными.

В особенности это стало очевидно в связи с развитием капиталистического общества, в котором процесс структурирования социальных отношений предполагает уже не циклическое повторение практик и мышления, а перманентное замещение одних видов деятельности, идентификаций и соответствующих желаний другими. Увеличивается влияние фактора множественности, общество становится всё более дисперсным, а отношения – подвижными и изменчивыми, получая характеристику в качестве желания.

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определённом ВАК:

1. Желание как способ социального бытия//«Известия Уральского государственного университета». 2007. № 48. Серия 3. Общественные науки. Выпуск 2. С. 216-219, 0,5 п.л.

Статьи в других изданиях:

2. Экономия желания// Российский философский конгресс. Москва, 2005. С. 383-384.

3. Желание в «повседневной метафизике» психоанализа// Социальная философия и опыт современного обществознания. Сборник работ кафедры социальной философии УрГУ. Екатеринбург, 2005. С. 45-60.
4. Соблазн желания, или сон Гегеля в летнюю ночь//Дискурсология: методология, теория, практика: Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2007. С. 75-78.
5. Символический терроризм желания//Коллизии свободы в постиндустриальном обществе: Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003 г. С. 453-456.
6. Дискурс желания: пример неклассической рациональности//Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2008. С. 157-160.
7. Экономия желания: способ социальной структуризации// «Известия Российского государственного педагогического университета». Аспирантские тетради. 2008. С. 235-239.